

7. Козлов А.С. Мифологическое направление в литературоведении США. - М.: Прогресс, 1984. - с. 85
8. Лавкрафт Г.Ф. Ужас и сверхъестественное в литературе // Лавкрафт Г.Ф. Хребты безумия. - М.: АСТ, 2006. - 731 с.
9. Маймин Е.А. О русском романтизме. – М.: Просвещение, 1975. - 19 с.
10. Новалис. Фрагменты / Новалис // Литературные манифесты западно-европейских романтиков. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 639 с.
11. Сартр Ж-П. Бытие и ничто. - М.: АСТ, 2009. - 914 с.
12. Сидоров А.М. «Эстетический поворот» от Канта и романтизма к современной философии // Анализ соотношения современной философии искусства и художественных практик, - М.: Научные кадры инновационной России ГК№П579, 2010. - 53 с.
13. Толмачев В. М. От романтизма к романтизму. - М.: Филологический факультет МГУ, 1997. С. 334.
14. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. - М.: Весь Мир, 2003. - 416 с.
15. Хайдеггер, М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. - Харьков: Фолио, 2003. - 503 с.
16. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. - СПб.: Медиум, Ювента, 1997. - С. 466-487.
17. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Соч.: В 2 т. - М.: Мысль, 1987, Т. 1. - 637 с.
18. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. - М.: Мысль, 1999. - 608 с.

А.Э. Бахметьев

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ИНТУИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ

(Самарский университет)

Проблемный статус человеческого существования декларирует разные уровни познавательной активности. В области философии выделяются два уровня познания: интуитивный и рациональный (на что указывает Н. Гартман и Б. Кроче). Интересным образом устроен интуитивный уровень познания, являющийся формой схватывания существующего. Ибо говоря словами немецкого философа Н. Гартмана: «мир существует как сущее, лишь поскольку он познается» [1, С.103]. Особняком стоит вопрос об онтогносеологических границах интуитивного познания.

В истории философии существует множество взглядов в контексте интерпретации интуиции. Я буду отталкиваться от интерпретации интуиции с позиции объективистской философии, а именно интуиция есть форма схватывания существующего. Объективизм – это философское направление, отстаивающее тезис о том, что «мир состоит из вещей, существующих независимо от того, познает или не познает их какое-либо сознание. Они могут становиться

предметами познания, но становясь таковыми, они не претерпевают никаких изменений в своем существе и познаются именно такими, каковы они суть сами по себе» [1, С.23]. А познаются они благодаря интуиции. Вспоминаются слова И.Д. Левина: «Гармония между мышлением и сущим, между их законами, между математическими конструкциями и поведением физических объектов... эти законы и принципы даны нам в интуиции, так же как вещи даны чувствам - и столь же, а может быть еще в большей степени, независимы от нас» [3, С.94]. Основой объективизма является фундаментальный монизм, единство мира и языка, бытия и мышления. К данному направлению можно отнести концепцию критической онтологии немецкого философа Н. Гартмана, а также концепцию объективистской эпистемологии американской писательницы и философа Айн Рэнд. Таким образом, в моем докладе будут представлены онтогносеологические границы интуитивного познания, так как интуиция является объединяющим онтологию и гносеологию элементом.

Интуиция «с полным правом является формой схватывания (познания)» [1, С.508]. По мысли Гартмана, интуиция есть «модус познания, т.е. некое «схватывание», трансцендентный акт» [1, С.514]. Он выделяет два интуитивных фактора: стигматичность и конспективность. Стигматичность есть подобие апостериорного познания: она находится в низшей плоскости наблюдаемого. Этот вид интуиции не нуждается в каких-либо символах. Эта разновидность интуиции есть созерцание целого, комплекса и базиса. Стигматичность наименее схватывает связи и отношения между комплексами объектов. Конспективность рассматривается более масштабно. Гартман считает, что она есть «априорное понимание (Begreifen) идеальных отношений и зависимостей, связей и закономерностей как обусловленного, так и обуславливающего в идеальном бытии» [2, С.102]. Эта особенность интуиции включает чистое (логическое) мышление, но она не сводится к нему. Она не имеет четко заданного направления и проявляется в том, что охватывает разносторонние отношения, связывая одновременно анализ с синтезом, а индукцию с дедукцией. Конспективность действует и в вертикальном, и горизонтальном направлении. Это означает, что она действует как в противоположности частного и общего, так и в многообразии связей различных структур. Огромное значение для этого вида интуиции имеет связь ее с законами идеального бытия, которые, по Гартману, есть законы чистого мышления, то есть существует внеопытный источник всеобщего достоверного знания.

Эпистемологическая концепция американского философа Айн Рэнд аналогичным образом носит объективистский характер. Объективизм, по мысли Айн Рэнд, «философия жизни на земле». Ее целью было создание философского направления, объединяющее в свой ценностный инструментарий тезис о том, что разум, индивидуализм и мораль разумного эгоизма представляют собой неотъемлемые средства достижения процветания и счастья в этом мире. Познание – «есть процесс понимания, оно есть не пассивное, но активное состояние, состоящее из двух значимых частей: дифференциации и интегрирования» [4, С.14]. Данные процессы познания направлены на появления понятий. Обьекти-

визм Айн Рэнд проявляется в том, что объективно существует одна реальность, выраженная в понятиях. Последние, в свою очередь, есть мыслительная интеграция двух и более единиц, которые изолированы в соответствии с существенными признаками и объединены указанным понятием». В объективистской концепции Айн Рэнд объективно-существующая реальность является Абсолютом, выраженная в понятии. Понятия есть «продукты особого рода отношения между ними (субъектом и объектом)» [4, С.145].

Интуиция в объективистской философии является переходом между ощущениями, восприятием и интеллектом. Интуиция, работая с опытом, непосредственно опирается на исходные положения, а именно на аксиомы. Это связано с тем, что объективизм отстаивает тезис о том, что объективная реальность (объект) существует независимо от воспринимающего субъекта. Однако интуиция работает не только с реальным опытом, но и потенциальным.

О данном аспекте рассуждал И.Д. Левин. Согласно его теории, интуиция, являясь предикативным познанием, обеспечивает содержательность математики и логики, и их формализованность. Интуитивное знание как системообразующая ступень познания включается в себя и объединяет в себе два необходимых признака реального знания: содержательность и достоверность, то есть это говорит о том, что интуиция – это «огромный заряд знания, сосредоточенный в одной точке» [3, С.55]. В этой точке сосредоточена вся полнота знания, вся его абсолютность.

В концепции Левина существует различие между интуитивностью и интуибельностью. В интуибельности мы не можем представить целостно и точно объект нашей идеации. В интуибельности мы не состоим в состоянии убедиться в истинности того или иного результата. К примеру, мы не можем точно представить большое число, чтобы впоследствии оно не нуждалось в опытной проверке. Через интуитивное же мы можем имажинировать объект и имажинировать во всей его целостности. Это говорит о том, что интуитивное знание может существовать и без интеллектуального, но вот интеллектуальное без интуитивного нет. Так как интуиция является начальным этапом в познании, то она тем самым задает дальнейшее развитие рефлексии.

Принимая во внимание учение Мальбранша о разновидностях интуиции, следует придать этому факту сознания системный статус. С гносеологической точки зрения основание познания включает в себе указания на неотъемлемые факторы действительного познания. Именно основания, на которые опирается суждение, распадаются на четыре типа истинности, в каждом из которых истина предстает в разном качестве: 1)металогическая истинность; 2)логическая истинность; 3)эмпирическая истинность; 4)трансцендентальная истинность. Ими исчерпывается познаваемое в составе опыта. Это по сути своей рамки, в которых существует и работает интуиция.

Опираясь на вышеуказанные мною концепции можно сделать вывод о том, что интуиция есть форма схватывания существующего (реально и перспективно). Она осуществляется в различных типах истинности, но на разных гносеологических основаниях, сводимых к левинской оппозиции интуибельно-

сти и интуитивности. Оппозиция стигматичности и конспективности, формулируемая в критической онтологии Н. Гартмана, указывает на предметный аспект содержания. Наличие двух пар оппозиций позволяет построить на основе синтеза категорий и атрибутов интуиции модель, раскрывающую базовые прецеденты единства бытия и мышления в месте предметного опосредствования. Между четырьмя модельными прецедентами и классическими «типами истинности» существует отношение взаимно-однозначного соответствия.

В онтологии граница находится на уровне стигматичности и конспективности. В гносеологии – в оппозиции интуитивного и интуибельного. Гносеологическая граница связана с неспособностью в непосредственной интуиции увидеть необходимость в слишком сложных идеальных образованиях, где обычная подмога наглядной представимости отказывает, кратковременностью и малообъемностью («точечности») наших интуиций, которые сразу же уступают место рефлексии, а также с неспособностью сразу составить адекватное понятие о слишком сложном идеальном (а тем более quasi-идеальном) предмете, т.е. в слабости.

Литература:

1. Гартман Н. К основоположению онтологии. – М.: Наука, 2003. – 640с.
2. Горнштейн Т.Н., Философия Николая Гартмана (Критический анализ основных проблем онтологии). – М.: Наука, 1969. – 282 с.
3. Левин И. Д. Сочинения. Том I. – Москва: Радикс, 1994. – 408с.
4. Рэнд А. Введение в объективистскую эпистемологию. – М.: Астрель, 2012. – 351с.

Е.Д. Богатырева

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

(Самарский университет)

Интеграция современного искусства в российскую культуру в 90-е и нулевые отвечала общественно-политическому курсу страны, но вместе с тем имела свои ограничения места и времени, с которыми полезно разобраться. Идея нового искусства, ориентированного на международный опыт, определяющего себя как «современное», провозглашалось в стране, где продолжал работать режим партикулярного сознания. Художник 90-х двигался на ощупь, не имея перед собой ещё всей исторической перспективы, которая только сегодня может быть более-менее полно распознана. Для него, безусловно, актуальна память мифического андеграунда, ритуальных форм жизни и общения, типичных для неформальных сообществ, именно по такому неформальному типу, за счёт межличностных связей и взаимодействия организуются первые институции современного искусства в новой России. Художественная практика здесь носила не только профессиональный, но и социальный, и этический характер.